

Смулькина Н.В. Символические образы международных отношений в сознании российских граждан: политико-психологический анализ.
DOI 10.24411/2686-7206-2020-10104 // Антиномии.
2020. Т. 20, вып. 1. С. 89–116.

УДК 32.019.5

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10104

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Наталья Валентиновна Смулькина

кандидат политических наук,

старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

E-mail: smulkina@mail.ru

SPIN-код: 9132-1263

ResearcherID: Q-9718-2017

Scopus ID: 57191094528

ORCID: 0000-0002-6691-5372

IRID: 7645322

*Статья поступила 22.11.2019, принята к печати 09.12.2019,
доступна online 06.04.2020*

В статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению символических аспектов восприятия международных отношений российским массовым сознанием. Данные, полученные с применением качественных методов, позволяют рассмотреть представления россиян о субъектах, структуре, принципах международных отношений, а также об ожидаемых, желаемых и нежелательных тенденциях трансформации международных отношений. При исследовании символических репрезентаций международных отношений, понимаемых, как составная часть символической карты мира, автор опиралась на политико-психологический подход. Изучение образов осуществлялось с учетом как рационализированных оценок, так и неосознаваемых аспектов восприятия политической карты мира; для этого в рамках опросов были использованы проективные техники. В работе определены факторы символических интерпретаций международных отношений в массовом политическом сознании. В итоге автор приходит к выводу, что символическое восприятие международных отношений россиянами россиецентрично, фрагментарно, отличается ситуативным характером (это, вероятно, в значительной мере и определяет зависимость процесса

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32128 «Политико-психологическое измерение политической карты мира в сознании российских граждан: символические репрезентации».

формирования представлений о политической карте мира от специфики коммуникации), и выделяет несколько моделей восприятия карты мира; это модели тревожного, позитивно-оптимистичного, прагматично-рационального и фрагментарно-неопределенного типов. К выявленным тенденциям восприятия политической карты мира она относит некоторую неконгруэнтность символических образов карты мира в случае прагматичного типа восприятия, тревожность на уровне массового политического сознания, размытость образов «своих» и «чужих» в международных отношениях. Неясность представлений россиян о месте России в мире, ее возможных стратегиях поведения в сфере международной политики делает восприятие политической карты мира гиперчувствительным и зависимым, прежде всего, от стереотипов, клише и от информационной повестки СМИ. Следует отметить, что политико-психологический анализ символических образов международных отношений представлен по результатам эмпирического исследования в Москве.

Ключевые слова: политико-психологический подход, символическое пространство, политическое восприятие, политическая карта мира, образ страны, образ международных отношений, символические репрезентации, факторы политического восприятия.

Постановка проблемы. С распадом СССР Россия столкнулась не только с территориальными потерями, но и с серьезными психологическими последствиями этой геополитической трансформации. В 1990-е гг. основное внимание большинства населения было сконцентрировано на внутрироссийских проблемах, что вполне закономерно, поскольку в стране происходили масштабные перемены (Петухов 2010: 4). При этом на уровне массового сознания шло болезненное преодоление психологической травмы, своеобразного синдрома самоуничтожения, обусловленных восприятием России как побежденной в холодной войне страны, потерявшей своих сторонников и неспособной предложить в мировой политике что-либо значимое.

Разумеется, нельзя утверждать, что по прошествии трех десятков лет отношение россиян к роли своей страны на мировой арене не изменилось. В соответствии с результатами опроса Фонда общественного мнения в течение десяти лет после распада Советского Союза почти 80% респондентов сожалели о распаде СССР; вопрос о позитивных моментах этого события вызывал у рядовых россиян реакцию отторжения. К началу XXI в. общество в целом привыкло к мысли, что СССР – это уже история. Участники фокус-групп отмечали, что воссоздание союза республик в принципе возможно, но для объединения нужно решить массу внутренних проблем. Пренебрежение ими, по мнению россиян, могло бы только ухудшить положение страны и российских граждан (Референдум о судьбе СССР... 2001).

С 1990-х гг. до настоящего времени политическая, экономическая, культурная, международная ситуации менялись и разновекторно, и постепенно, и стремительно (Пузанова, Филиппов, Ларина 2017: 24). В 2000-е гг. наша страна обрела все больший политический вес, но вместе с тем появились и осознание целого ряда новых угроз и вызовов, и нарастающее чувство внешнеполитического одиночества России, чего не было и не могло быть во времена Советского Союза (Петухов 2010: 4). Присоединение Крыма и последовавшие вслед за ними западные санкции дополнительно подкрепили данные тен-

денции, способствуя росту патриотических чувств россиян в условиях сохранения на уровне массового сознания своеобразного «комплекса неполноценности», сформированного за время постсоветского периода. Обсуждаемый политологами «посткрымский синдром» (трансформация общественных настроений, оценок россиянами политической системы в 2014 г.) Е.Б. Шестопал объясняет именно неразрешенностью психологического парадокса в сознании российского общества (Шестопал, Смулькина, Морозикова 2019). Подобная неконгруэнтность в восприятии внешнеполитической деятельности России и ее места в мире в условиях расхождения политической и психологической реальностей может способствовать росту напряженности на уровне массового политического сознания, возникновению проблем национального самоопределения общества.

Невозможно рассматривать проблему формирования идентичности (как опоры стабильного общества), не обратив внимания на образы других стран в российском сознании. Для того чтобы понять, кто суть «мы», следует ответить, кто же суть «они» и кем они являются для нас. Особое место здесь занимает тема восприятия международных отношений. Восприятие внешнеполитической ситуации сейчас также чрезвычайно динамично. Глобальный и разнонаправленный характер политических, экономических и социокультурных трансформаций конца XX – начала XXI в. привел к дестабилизации сложившегося мирового порядка. Современные международные отношения, формируемые под влиянием глобализации, все чаще усложняются, выдвигая перед научным сообществом требование более детального изучения мировых процессов. К сожалению, научная, в частности психологическая, база для изучения геополитических процессов практически отсутствует (Конфисахор, Медведева 2011: 36).

Современные международные вызовы, с одной стороны, расширяют поле значимых мировых игроков за счет роста числа международных организаций, транснациональных корпораций. Стираются международные границы в представлениях россиян. Туризм, учеба за рубежом, единый рынок сделали для многих наших граждан глобальный мир привычным. Но смогли ли они сделать этот мир «своим» и безопасным? Вероятно, нет. Происходящие геополитические трансформации могут влиять на национальное самосознание и способствовать тенденциям формирования изоляционистских настроений или склонности к своеобразному эскапизму в восприятии внешнеполитических процессов.

В публичных обсуждениях (и, соответственно, в политической картине мира обычных граждан) сейчас актуализируются все новые международные темы, нередко нарушающие чувство безопасности, возбуждающие тревогу и страхи. Современная позиция России на мировой арене является значимым объектным фактором оценок внешнеполитических событий. Сущность мировых политических процессов последних лет труднопознаваема для многих россиян, что также сказывается на психологической составляющей массового сознания. Таким образом, изучение восприятия стоящих перед Россией не только внутриполитических, но и внешнеполитических проблем становится все более актуальным в современной науке. Подобные

исследования проводятся, и согласно их результатам российские граждане дают весьма неоднозначные характеристики геополитической активности своей страны, противоречиво оценивая способность России сопротивляться внешним вызовам и угрозам (Колосов, Зотова 2012; Горшков, Петухов 2016).

Необходимость проявить должное внимание к изучению восприятия международного порядка россиянами становится особенно актуальной, поскольку в российскую политику приходит поколение, для которого блоковая система мира является лишь темой из школьного учебника истории, а глобализация понимается как объективная реальность, альтернативу которой сложно представить. В настоящее время в политической науке, социологии и в теории международных отношений проводятся исследования образов отдельных стран или групп государств в массовом сознании. При этом особенности восприятия взаимоотношений между ними, не говоря уже о мире в целом как геополитическом пространстве с множеством взаимодействующих акторов, остаются не охваченными. Мы полагаем возможным восполнить данный пробел, предприняв эмпирическое исследование, посвященное восприятию политической карты мира в рамках политико-психологического подхода, который обладает для этого необходимыми концептуальными возможностями и инструментальным потенциалом. Исходя из посылки о важности стереотипизации и мифологизации процесса современного внешнеполитического восприятия в условиях информационной эпохи, мы концентрируем внимание именно на символических очертаниях политической карты мира. Политическая карта мира в данном случае выступает как многосоставный конструкт, состоящий из взаимодействующих элементов, одним из которых и является символический образ международных отношений, обсуждаемый в данной работе.

Теоретико-методологические основания исследования. Несмотря на богатый теоретический и эмпирический материал, накопленный в области социальных наук, пока довольно слабо просматриваются достаточные основания для построения общей теории политического восприятия международных процессов, взаимодействий и карты мира. Между тем восприятие международных отношений как часть процесса формирования в массовом сознании образа политической карты мира в условиях меняющегося контекста отличается от политического восприятия лидеров и власти.

В целях определения теоретических оснований исследования мы обратились к результатам научных проектов в сфере теории международных отношений и сравнительной политологии (Мельвиль 2006). Исследования в сфере *политической регионалистики* позволили нам изучить подходы к анализу и классификации внутренних образов стран и регионов (Вилков 2010). Не менее плодотворным было и изучение геополитических концепций, объясняющих причины формирования «психологии окруженности», «стратегии концентрических кругов» (Колосов 1996), а также исследований феномена пространства, пространственности и пограничности (Мирошниченко 2018; Смирнягин 2016; Чернышов 2015).

Для составления авторской модели мы использовали наработки *политических географов*, которые изучают образ страны в сознании ее граждан

с точки зрения пространственных аспектов восприятия. В рамках данного подхода внимание уделяется преимущественно когнитивной стороне образов (за скобками остаются эмоциональные и поведенческие особенности восприятия), однако именно исследования в политической географии отличаются более фундаментальным характером и направлены на выявление общих тенденций формирования различных образов территории. Например, географический образ страны рассматривается с учетом символов, представлений о пространстве, стереотипов в рамках концепции геокультурного брендинга территории Д. Замятина (Замятин 2010; Замятина 2011).

Для понимания основных тенденций восприятия россиянами внешнеполитического пространства необходимо ознакомление с результатами научных работ политических социологов. Российские и зарубежные центры исследования общественного мнения в последние годы регулярно публикуют отчеты по своим проектам, посвященным отношению россиян к отдельным событиям мировой политики и странам. К сожалению, количественные стандартизированные опросы, обычно используемые в таких исследованиях, не позволяют выявить скрытые установки. Символические репрезентации, выделяемые социологами в ходе изучения восприятия внешнеполитических процессов, относятся лишь к «верхнему», рационализированному, слою сознания. Возникает необходимость рассмотреть наряду с устоявшимися рациональными мнениями людей о своей и других странах, о международных отношениях эмоциональные, неосознаваемые компоненты их восприятия. Работ, посвященных бессознательным аспектам восприятия политической картины мира, а также стереотипизированным и архитипичным, символически очерченным сюжетам, сквозь призму которых видятся международные отношения, не так много (Caplan 2001; Herrmann 2003). Ценными здесь представляются труды, посвященные механизмам искажения восприятия, страхам и рискам как факторам восприятия (Alcock, Newcombe 1970; Buzan 1991; Смирнова 2007).

Теоретические основания изучения символических репрезентаций стран, пространств, геополитических субъектов были разработаны нами с учетом стратегий исследования национально-государственной идентичности и политики идентичности (Евгеньева, Селезнева 2017; Семененко 2008). Не менее важны при создании концептуально-теоретической модели изучения символических представлений о политической карте мира современные исследования репрезентаций в рамках рефлексивного, интенционального, конструктивистского теоретических подходов, теории «символической власти», концепции символической политики М. Эдельмана, концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман 1995; Бурдые 2007; Hall 1997).

Наиболее оптимальным для получения итоговой теоретико-методологической модели исследования явилось использование в качестве приоритетной теории политического восприятия, разработанной научным коллективом кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Шестопал, Смулькина, Морозикова 2019: 75-77). Согласно данной теории необходимо комплексное

исследование образа страны с учетом его сложной психологической структуры, включающей в себя и рациональные и неосознаваемые пласты сознания. В русле политико-психологического направления были сформулированы концептуальные модели восприятия страны (и своей, и чужой) как сложноструктурного образования, конструкта, состоящего из других образов (образа власти, лидера, народа, территории). Именно представители данного исследовательского направления уделяют внимание геополитическому статусу страны как составной части образа. Опора на эти научные достижения предоставила возможность группировки и классификации образов стран и других субъектов международных отношений на основе некоторых универсальных критериев.

В ходе подготовки данной статьи нами были выдвинуты определенные *исследовательские задачи*. *Во-первых*, мы ставили цель определить, опираясь на результаты проведенного исследования, наиболее значимые, с позиции россиян, субъекты международных отношений, оценить символическую наполненность их образов.

Во-вторых, мы полагали важным рассмотрение символических репрезентаций в оценках россиян современных международных отношений. Необходимо было уделить внимание и выявлению специфики ожиданий в отношении трансформаций международных отношений (а именно изучению представлений о возможных, желаемых и нежелательных изменениях в международных отношениях).

В-третьих, перед нами стояла задача определить набор факторов, влияющих на формирование символических репрезентаций стран и международных отношений у россиян.

В-четвертых, итоговой задачей являлось выделение моделей восприятия международных отношений и политической карты мира исходя из специфики символических наборов и с учетом зависимостей символических очертаний образов от факторов политического восприятия.

Как уже указывалось, теоретико-методологическим основанием исследования выступает политико-психологический подход, в рамках которого разработана теория политического восприятия. Согласно ей необходимо не только рассмотрение устоявшихся рациональных мнений людей о международных отношениях, но и оценка неосознаваемых аспектов их восприятия, где внимание сфокусировано на эмоциональных элементах образа. Именно учет неосознаваемого уровня восприятия позволяет более внимательно проанализировать существующие противоречия между когнитивным, эмоциональным и поведенческим аспектами политических установок в отношении политической карты мира. При изучении символических образов на двух уровнях восприятия мы можем в большей мере выявить и объяснить страхи и тревоги, надежды и желания россиян относительно международной политики, стратегии поведения России на мировой арене. Без обращения к неосознаваемому уровню символического восприятия международных отношений нельзя в полной мере оценить риски и угрозы, свойственные трансформациям российского восприятия внешнеполитической ситуации.

В рамках теории политической идентичности открывается возможность оперировать при рассмотрении восприятия стран и международных отношений понятиями «свой-чужой», учитывать наличие мифологем и архетипов в символическом пространстве политического восприятия. Для изучения символических образов международных отношений была принята *классификация политических символов*, разработанная Т.В. Евгеньевой и Г.А. Кожедубом, выстроенная на основе содержательной их характеристики. В качестве приоритетов авторами выбраны символические репрезентации исторических, политико-идеологических, пространственно-географических, ресурсно-экономических и культурно-языковых символов. В классификации предусмотрена вероятность соответствия одного символа нескольким категориям типологии исходя из контекста. Особое место уделяется идентификационно-ролевым символическим репертуарам – символическим образам «враг», «друг», «другой», «чужой».

I. Обратимся к собственной стратегии исследования (схеме анализа) образа международных отношений в российском массовом сознании. Значимую часть исследования составляет характеристика символических образов современных международных отношений. *Первым шагом* к этому явилось определение на уровне восприятия **субъектов** международных отношений. Согласно выдвинутой гипотезе исследования в качестве субъектов в данном случае могут выступать не только страны, но и блоки стран, союзы, формальные и неформальные международные организации и силы. Анализ специфики восприятия международных отношений предполагает изучение тенденций приписывания им (международным отношениям) субъект-субъектного или же субъект-объектного характера. Важным было установить, кто в представлениях россиян выступает как объект и как субъект современных международных отношений.

В качестве *второго шага* при изучении восприятия россиянами феномена современных международных отношений было предпринято описание символических представлений о **структуре** международных отношений. Это позволило констатировать рамочное восприятие массовым сознанием современных трендов мировой политики, стратегий выстраивания векторов международных отношений и предположить, что структура международных отношений в политических представлениях влияет на формирование более конкретных геополитических образов, детерминирующих восприятие россиянами мировой политики и включенности в нее России.

Третий шаг – оценка **принципов** международных отношений в символическом пространстве политической карты мира. На стадии выстраивания гипотез мы планировали классифицировать принципы международных отношений согласно существующим в теории международных отношений общим характеристикам взаимосвязей, таких как конфликт, соперничество, дистанцирование, влияние, коалиция, партнерство, иерархия, сотрудничество.

II. Далее. Зависимость объекта исследования от меняющегося событийного контекста заставляет рассматривать политическую карту мира в массовом сознании в качестве образа **динамической системы**. При изучении символических наборов представлений о **динамике** международных

отношений мы планировали выявление ожидаемых (наиболее вероятных, с точки зрения российских респондентов) тенденций развития взаимоотношений России с другими странами, изменения международного баланса сил, причин этих изменений. Для детализации символического пространства политической карты мира в качестве образа *потребного будущего* было важно определить, какие тенденции изменений международных отношений и баланса сил в мире являются наиболее предпочтительными, а какие – нежелательными, пугающими россиян сценариями трансформации международных отношений. Понимание того, какой хотят (не хотят) видеть россияне политическую карту мира в будущем и на какое место они ставят Россию на ней, позволит на следующем этапе исследования осуществить углубленный анализ и составить прогноз о рисках, связанных с символическим наполнением образов стран и международных отношений.

Описанный выше теоретический подход и исследовательская стратегия диктуют обращение к таким инструментам сбора и обработки информации, как опросные методы качественного характера в сочетании с проективными техниками. Проективные техники традиционно используются для интерпретации внешних проявлений скрытых, иногда неосознанных аспектов жизнедеятельности человека. Проективные рисунки (в нашем случае карта и рисунки) позволяют изучать особенности неосознаваемого уровня восприятия. На первый взгляд, графика – это однозначный и структурированный стимульный материал, однако при более глубоком рассмотрении он, хотя и знаком испытуемому, «не конкретизирован, так что по мере выполнения теста респондент может выразить свои проекции, перенеся их в изображение» (Бук 2000: 261). Таким образом, с учетом исследовательской стратегии, а также достоинств и недостатков подобранных методов исследования нами был составлен авторский инструментарий.

На выбор *методов сбора и обработки данных* в значительной степени повлиял качественный и разведывательный характер исследования. Предмет исследования определил необходимость использования методик, которые позволили бы не только рассмотреть отдельные образы стран и отношений между ними как таковые, но и отразить их специфику в заданных ситуациях, возможных трансформациях и взаимосвязях друг с другом. Для решения проблем изучения статичности и изолированности отдельных элементов сложносоставного феномена политического сознания в качестве методов сбора данных были выбраны фокусированные формализованные интервью, включающие в себя проективные вербальные и изобразительные техники: процедуры завершения¹, ассоциативные², интерпретативные³ техники и картоидный метод⁴. В 2019 г. были проведены 256 фокусирован-

¹ Респондентам предлагалось завершить предложение о роли России в международных отношениях.

² Использовался метод направленных ассоциаций. Респондентам предлагалось подобрать ассоциации к разнообразным состояниям международных отношений, придумать слоганы и хэштеги к понятиям международных отношений и мировой политики, привести примеры-ассоциации, исторические иллюстрации к предло-

ных формализованных интервью, включающих в себя проективные тесты. Исследование носило качественный характер; место проведения – Москва. Выборка была сбалансирована по параметрам пола и возраста.

Количественная часть обработки и анализа полученных эмпирических материалов строится на использовании методов кодирования, шкалирования ответов на открытые вопросы интервью, на статистических методах упорядочения и оптимизации эмпирических данных. Это позволило провести сравнительный анализ и классификацию символических репрезентаций, определить критерии группировки и дифференциации респондентами символических образов.

Качественная часть обработки и анализа данных исследования выполнена с использованием методов ненаправленного контент-анализа стенограмм интервью и проективных тестов, метода «снежного кома» для выявления метафор в ответах, символических образов и мифологем, стереотипированных и оригинальных сюжетов. Благодаря качественной части анализа данных стало возможным описать символически окрашенные оригинальные сюжеты и трактовки международных отношений, определить тенденции восприятия международных отношений и политической карты мира.

Результаты исследования. По итогам исследования мы получили возможность рассмотреть особенности символических репрезентаций международных отношений как составной части образа политической карты мира в массовом сознании россиян. В качестве постулата нами было принято утверждение, что символический образ политической карты мира выступает как динамический сложносоставной конструкт политического сознания, складывающийся в процессе политического восприятия и включающий в себя символические репрезентации стран и других субъектов международных отношений, находящихся в определенных взаимозависимостях и связях друг с другом. В данной работе мы не рассматривали детально символические образы отдельных стран, притом что исследовательский проект, частью которого она является, ставит и эту задачу. Символические репрезентации отдельных стран в политическом сознании интересовали нас лишь в аспекте рассмотрения данных стран как важнейших (с точки зрения респондентов) субъектов международных отношений, как составных частей политической карты мира, акторов, включенных в международные взаимосвязи и взаимодействия.

Остановимся лишь на самых общих тенденциях восприятия международных отношений, выявленных в ходе исследования. Прежде всего хотелось женным поговоркам и пословицам. Использовался также ассоциативный метод рисуночных персонализаций. Респондентам нужно было нарисовать любую страну в виде человека, описать его слова и мысли, характер и привычки.

³В основу разработки использованной техники данного типа лег модифицированный тест тематической апперцепции (ТАТ). Респондентам были предложены три рисунка, характеризующие разнообразные международные отношения (конфликт, сотрудничество, изоляция), с просьбой прокомментировать их, составив небольшой рассказ.

⁴Респондентам предлагалась контурная политическая карта с предложением внести в нее изменения или просто дорисовать на ней все что угодно.

бы отметить, что преобладает *россиецентричное* восприятие международных отношений и политической карты мира, которое в данном случае чаще опирается на идею территориальной исключительности, нежели на представления о территориальной гомогенности. В сюжетах, описывающих международные отношения, на картах и в рисунках преимущественно фигурирует образ России, включенный в международные отношения и субъект-субъектного, и субъект-объектного характера.

Субъекты международных отношений в восприятии политической карты мира. В результате проведения интервью нами определены наиболее популярные символические образы как формальных, так и неформальных субъектов международных отношений. Помимо России чаще всего в упоминаниях мировой политики, международного порядка фигурируют страны, представленные в первую очередь в символических образах друга, врага, в ресурсно-экономических, культурных, политико-идеологических и пространственно-географических символах (*природные ископаемые, трудовые ресурсы, уровень развития экономики, богатство культуры и языка, привлекательность образа жизни, демократичность и традиционализм в мировоззрении*). Оценивая международные отношения как субъект-субъектные взаимодействия, респонденты называют ведущими акторами страны, имеющие ресурсный потенциал и возможности внешнеполитического влияния (*США, Китай, Россию, Индию*). Объектами чаще выступают континенты (*Африка и Латинская Америка*). Ярко отражен феномен «Единой Европы», к которой, впрочем, не отнесена Великобритания, имеющая, по мнению опрошенных, «*собственный путь*» и самодостаточность, «*способная в будущем забрать у США знамя представителя западных ценностей*».

В меньшей степени уделяется внимание отдельным странам Европы и Ближнего Востока, которые обычно рассматриваются как независимые

Рис. 1. Образ США. Рисуночная персонификация

государства при упоминании этнических, языковых и религиозных конфликтов. Наиболее непредсказуемыми субъектами международных отношений являются страны Арабского мира, которые, по мнению некоторых респондентов, «могут дать жару». При опросе ближневосточные конфликты оцениваются на рациональном уровне восприятия россиянами как наиболее многочисленные и трудноразрешимые (табл. 1), однако на контурных картах Арабский мир практически не фигурирует. Респонденты отказываются делать прогнозы относительно самостоятельности данного региона, стремятся отстранить от себя эту проблему.

Таблица 1. Какие конфликты могли бы быть решены в ближайшие 20 лет? Какие конфликты, на Ваш взгляд, неразрешимы?*

Разрешимые конфликты	% **	Неразрешимые конфликты	%
Конфликт на востоке Украины	24	Конфликт на востоке Украины	2,4
Конфликт в Сирии	22,4	Конфликт в Сирии	4
Израиль – Палестина	0,8	Израиль – Палестина	16
Конфликт на Ближнем Востоке	30,4	Конфликты на Ближнем Востоке	16
США – Россия	8	США – Россия	16,8
Россия – Украина	10,4	Россия – Украина	6,4
Россия и мир	5,6	Россия и мир	2,4
Северная и Южная Кореи	4,8	Северная и Южная Кореи	6,4
США – Китай	3,2	США – Китай	8
Индия – Пакистан	0,8	Индия – Пакистан	4,8
Нагорный Карабах	2,4	Нагорный Карабах	8
Турция – Курдистан	3,2	Турция – Курдистан	2,4
Север – Юг	4,8	Север – Юг	6,4
Террористические угрозы	1,6	Террористические угрозы	6,4

* Представлены только наиболее упоминаемые конфликты.

** Процент от числа опрошенных.

Символические образы «враг» и «другой» особенно ярко были представлены на примере США и Китая как сильных субъектов международных отношений. Так, в рисуночных персонификациях (рисунок страны в виде человека) США часто изображены как диктующий свою волю авторитарный персонаж (на одном из рисунков он держит на привязи свору собак – стран, находящихся в подчинении) (рис. 1). Символический образ Китая чаще наделяется чертами скрытого врага. В рисунках и ассоциациях-поговорках он представлен как молчаливый персонаж, выжидающий удобного момента, чтобы нанести удар (рис. 2).

Полученные нами интервью и рисуночные тесты демонстрируют, что международные отношения, в которые включена Африка и Латинская Америка, в представлениях россиян обычно оцениваются как отношения субъект-объектного характера. По мнению респондентов, в плане геополитического статуса эти регионы нередко находятся в сфере влияния мировых лидеров. Активность их проявляется, скорее, в негативных воздействиях, в угрозах мировой стабильности. Социально-экономические проблемы в этих регионах, неустойчивость политических режимов и правопорядка способствуют усилению международного терроризма, наркоторговли, вынужденной миграции. Политическая интеграция стран на континентах Африки и Латинской Америки видится некоторым россиянам единственной возможностью развития, а иногда и выживания.

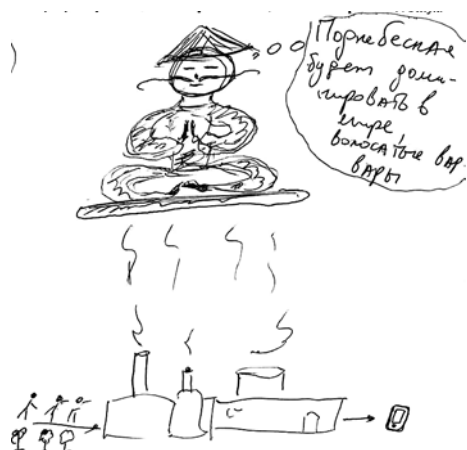

Рис. 2. Образ Китая. Рисуночная персонификация

Пространственно-географические символы, репрезентируемые в восприятии субъектов международных отношений, были нередко мифологизированы (рис. 3). Так, например, проявляющиеся в субъект-объектных международных связях символические образы Африки и Австралии иногда демонстрируют актуализированную мифологему «неведомой земли». Нередко респонденты, отмечая, что ничего не знают об этих странах, рисуют их на карте в виде пустого пространства (комментарии: «...пустынная, безлюдная земля», «...там джунгли без людей»). Мифологема неведомой земли в данном слу-

чае приобретает дихотомическую эмоциональную окраску, объясняемую, вероятно, влиянием такого свойства современного внешнеполитического восприятия, как *латентная тревожность*. В качестве иллюстрации этого можно привести комментарий к одному из рисунков Африки – пустого пугающего пространства: «...пустыня, никто не знает, что здесь происходит, но все плохо», – и комментарий к рисунку на карте Австралии – пустого, но безопасного пространства: «...там непонятно, но там хорошо».

Среди наиболее упоминаемых негосударственных субъектов международных отношений фигурируют транснациональные корпорации, которые, по мнению значительной части опрошенных, оказывают «скрытое влияние», «экономическое давление». При помощи торговых манипуляций, лоббизма, согласно представлениям россиян, ТНК успешно добиваются соб-

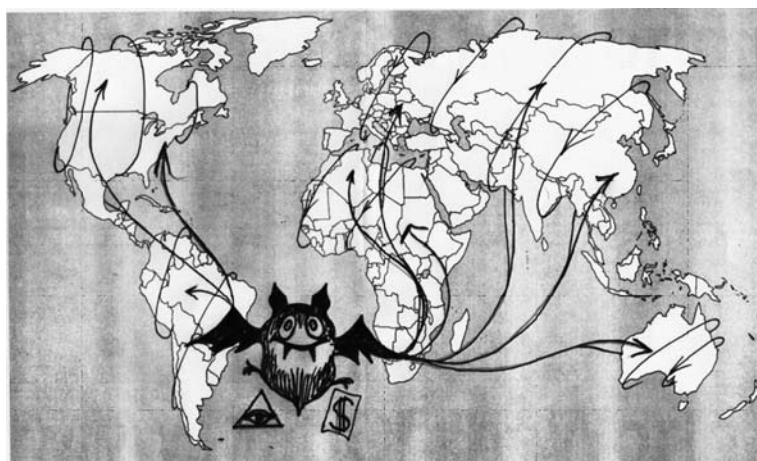

Рис. 3. Образ карты мира. Комментарий: масоны и корпорации тайно правят миром, пьют кровь стран

ственных целей, заодно «наполняя международные отношения смыслами и для рядовых граждан и для политических элит стран», определяя векторы на сотрудничество или соперничество. Международные экономические и политические межправительственные организации и союзы, такие как ООН, НАТО, БРИКС, ЕАЭС, ОБСЕ, ОПЕК, ШОС, упоминаются столь же часто, что и ТНК, но имеют чаще всего нейтрально-отстраненную оценку своей деятельности. Рядовому россиянину мало что известно об этих организациях, их работа не затрагивает его жизни, представления о них крайне размыты и абстрактны. Более эмоциональный отклик от респондентов был получен в результате оценок деятельности экологических и социальных международных организаций (Гринпис, WWF, The ocean cleanup, ЮНЕСКО, «Врачи без границ»). Их работе приписывают большую активность и успех. Говоря, пусть зачастую об абстрактной, но имеющейся возможности участвовать в работе такого рода организации, респонденты (обычно до 30 лет) склонны оценивать данную организацию как более значимую, влиятельную. По их мнению, сотрудничая с подобной организации, можно испытывать гордость за личный вклад в столь важное «международное дело» и удовлетворять личную потребность в самореализации.

Неформализованные структуры, группы также упоминаются в разговоре о субъектах международных отношений. Наиболее часто говорят о религиозных группах, сексуальных меньшинствах, террористических группировках и «тайном закулисье» в лице масонов и скрытого мирового правительства (см. рис. 3). Их влияние скрыто, неясно для самого респондента, однако обычно имеет дестабилизирующий, провокационный характер.

Как россияне воспринимают субъектность России в международных отношениях? Для того чтобы ответить на этот вопрос, в ходе интервью от респондента требовалось завершить предложение «Россия в современных международных отношениях выступает как...». Полученные результаты позволяют утверждать, что для большинства опрошенных наша страна оказывает значимое влияние на мировую политику и международные отношения. Так, 30,4% респондентов назвали Россию активным игроком на мировой арене, государством, старающимся отстаивать собственные интересы, 15,2% опрошенных подчеркивают, что интересы других стран Россия также защищает; она готова идти на уступки, быть хорошим другом и союзником, выступать посредником или арбитром. 12% респондентов (большой частью молодежь) полагают Россию агрессором. Интересно, что в ходе интервью именно эти респонденты нередко высказывались о своем недоверии современным средствам массовой информации, говорили о навязанной информационной повестке. Этот пример ярко иллюстрирует еще одно свойство современного символического восприятия политической карты мира – **стереотипизацию под влиянием коммуникативного фона**. Акцентируя свое внимание на данном факторе репрезентации России в символическом пространстве, именно эти респонденты активнее всего и используют в речи один из самых популярных в современном дискурсе стереотип «Россия как агрессор / не агрессор». В символических образах проясляет себя еще один стереотип, активно транслируемый в современных

СМИ, – виктимизированный образ России (рис. 4). Образ *страны-изгоя* доминирует у 6,4% респондентов, еще 8,8% респондентов воспринимают Россию в международных отношениях как *мученика, жертву, страну в обороне*. 7,2% опрошенных россиян отмечают, что у российского государства еще недостаточно сил для активной игры на мировой арене, зато есть амбиции и необоснованные запросы. То, что Россия стремится «*возродиться как сильная мировая держава*» отмечают 4,8% респондентов. Неблагоприятной тенденцией видится восприятие частью россиян нашей страны как «*запутавшегося ребенка*», «*непоследовательного стратега*», «*медведя-шатуна*». В качестве яркой иллюстрации можно представить ответ респондента 36 лет: «*Россия – как непредсказуемый баран. То упрется за что-то, то сиганет в сторону внезапно, еще и копытом ударит, а то даст себя остричь налысо и от этого потом жалобно блеет*».

Структура и принципы международных отношений в восприятии политической карты мира. Используя метод шкалирования и картоидный метод, мы выделили несколько наиболее типичных для респондентов форматов символических представлений о структуре современных международных отношений: централизованный мир, блоковый мир, фрагментированный мир, децентрализованный мир (сообщество без единого центра). Последний вариант, впрочем, не особенно свойственен российским оценкам современной политической карты мира и относится скорее к предположениям о далеком утопическом будущем или же, наоборот, о не самом оптимистичном сценарии мирового устройства, к эпохе цивилизационного упадка, где будет «*каждый жить в своей стае*» и будет «*полыхать война всех против всех*».

В ходе опроса от респондентов требовалось оценить современный международный порядок относительно 10 шкал, выбрав в каждом случае один из полюсов и определив в нем степень выраженности признака (от 1 до 3).

Рис.4. Образ России.
Рисуночная персонификация

Обобщенные и представленные в табл. 2 результаты позволяют говорить о наиболее неоднозначной оценке миропорядка по критериям справедливости, стабильности, упорядоченности, разнообразия. Различие мнений опрошенных в оценках по этим параметрам не превышает 13%. Наиболее категоричные отзывы относятся к характеристикам миропорядка как крайне несправедливого, конфликтного, многообразного, нестабильного, но и развивающегося. В большей степени определившись респонденты были в отношении оценок миропорядка как скорее глобального, чем локального, конфликтного, а не бесконфликтно-

Таблица 2. Оцените современный международный порядок по шкалам*

Характеристика шкалы	% **	Характеристика шкалы	% **
Развивающийся	78,9	Разрушающийся	20,3
Западный	91,4	Восточный	8,6
Блоковый	73,4	Фрагментированный	25,8
Конфликтный	85,9	Бесконфликтный	15,6
Единообразный	44,5	Многообразный	57
Демократический	56,3	Авторитарный	40,6
Упорядоченный	50	Хаотичный	48,4
Стабильный	44,5	Нестабильный	54,7
Глобальный	78,1	Локальный	21,1
Справедливый	47,7	Несправедливый	51,6

* Данные по шкале от 1 до 3 представлены в обобщенном виде.

** Процент от числа опрошенных.

го, блокового, а не фрагментированного, западного, а не восточного, развивающегося, а не разрушающегося.

Отвечая на вопрос о вероятности влияния цивилизационного противостояния «Восток – Запад» на сферу международных отношений, большая часть респондентов (57,6%) отмечают актуальность этого феномена; его влияние оценивают как сильное. Еще 13,6% опрошенных утверждают что, несмотря на то что различия между странами западной и восточной цивилизации существуют и по сей день, влияние их на мировую политику незначительно, снижается и теряет свою актуальность. Интересно, что тема включенности России в это цивилизационное разделение была затронута лишь у 7,2% респондентов, и во всех случаях ее относили к восточному блоку. На неосознаваемом уровне восприятия все не столь однозначно, рисуночные персонализации России, США и Китая – это совершенно разные культурные символы, ролевые модели. В символических образах Россия обладает собственным, отличным от других, менталитетом. Так, рядом с персонализациями США Россия выглядит более восточной, а при сопоставлении с образами Китая она приобретает заметные западные черты. Заполненные контурные карты также демонстрируют, что Россия на уровне неосознаваемого восприятия не включена в данное противостояние, «...она живет своей жизнью, у нее свой путь».

Только 20,8% респондентов в ходе интервью полностью отвергли идею современного противостояния Запада и Востока. Структура международных отношений у них обычно определяется либо как централизованный, либо как фрагментированный мир. В первом случае единственным значимым игроком выступают преимущественно США, осуществляющие экономическое, политическое и культурное доминирование. У респондентов с моделью фрагментированного типа восприятия

карты мира миропорядок представлен ситуативными символическими образами стран (часто это природные, культурные, исторические символы-стереотипы). «Международный вес» на фрагментированной политической карте приобретают те страны, которые, с точки зрения воспринимающих, способны на самообеспечение (прежде всего это Китай, Россия; иногда это Европа в целом). Интересно, что, приписывая США склонность к доминированию и эксплуатации, респонденты отмечали обратную сторону этого – чрезмерную зависимость США от других, неспособность выжить в одиночку, уязвимость. Так, например, в одной из ассоциаций Россия описана в виде полевой ромашки, расцветающей всегда и везде, Африка – в виде медленно растущего, но выживающего в любых условиях кактуса, а США – в виде прекрасной, но капризной, прихотливой розы.

Наблюдаемые особенности позволяют предположить о склонности россиян оценивать мобилизационный потенциал своей страны и других субъектов международных отношений на фоне конфликтного или тревожного восприятия ими международной обстановки. Это особенно значимо, так как материалы, полученные в результате использования проективных методов, демонстрируют, что для современного политического восприятия россиянами политической карты мира характерны *символическая фрагментарность* и, как следствие, *ситуативность, гиперчувствительность* (прежде всего к информационному контексту). Актуализируется в данном случае проблема стабильности психологического состояния российского массового сознания. В условиях тревожности, пассивно-неудовлетворенных настроений вышеупомянутая тенденция восприятия может приобрести характер угрозы, так как формирует благоприятные условия для манипулирования, дестабилизации общества, неконвенционального протеста.

Рассмотрение структуры оценки международных отношений у респондентов разных поколений позволяет предполагать, что формирование политической карты мира значительно зависит от психологических особенностей воспринимающего. Вероятно, значимо влияние социально-демографических характеристик: пола, образования, профессии, особенностей места проживания. И, несомненно, на формирование политической карты мира, на восприятие международных отношений в частности, влияют социально-психологические характеристики (например, акцентуации характера, этническая и другая идентификация, личный жизненный опыт). Кроме того, следует признать, что, вероятно, в значимой степени детерминировать формирование символических репрезентаций о международных отношениях могут как факторы, связанные с социально-психологической природой отдельного индивида, так и факторы, соотносимые с ментальностью целых поколений. Например, первичная социализация, прошедшая в условиях холодной войны, могла обусловить наличие у респондентов определенного возраста установки на восприятие международного противостояния как единственно возможного варианта сохранения баланса сил, гарантии определенности и стабильности. Возрастные психологические особенности в сочетании с отсутствием личного опыта жизни в условиях Советского Союза могли спровоцировать у части молодежи склонность к

некоторой идеализации советской тематики и повысить радикальность суждений, прогнозов. Высказанные предположения, однако, требуют дополнительной проверки на больших социологических выборках или в глубинных свободных психологических интервью. В рамках данного исследования подробное изучение особенностей воспринимающей стороны не представлялось возможным, поэтому ограничимся лишь предположением о сложности и комплексности влияния факторов данного рода.

Среди упоминаемых социальных форм международных отношений (как современных, так и желаемых и будущих) прежде всего в представлениях россиян наличествуют международные зависимости. В меньшей степени акцент был сделан на международные действия, взаимодействия и контакты. Чем это объясняется? Культурной традицией или спецификой предмета исследования? Сложно ответить на этот вопрос, не проведя кросскультурных компаративных исследований. Сейчас же можно достаточно уверенно говорить лишь о некотором влиянии ментальных факторов на приписывание России геополитической роли «покровителя». Действительно, исследование продемонстрировало нередко подтверждаемую тенденцию символических представлений о России как о *старшем брате*, выступающем в качестве защитника меньших по размеру, численности населения стран или *ущемленных в правах государств – младших братьев*. Отсюда, вероятно, и покровительственное отношение к менее развитым странам-соседям, и отсутствие националистических установок и вражды – даже к странам, находящимся сейчас в ситуации конфликта с Россией (это заметно на примере негативного восприятия Украины как недружественного государства в сочетании с амбивалентными оценками в восприятии украинского народа).

Еще одна культурная особенность российской ментальности – отсутствие традиции публичного обсуждения политики – определила трудность проведения исследования. Респонденты стесняются говорить о современных отношениях России с другими странами, особенно в случаях вовлеченности своей страны в конфликтную ситуацию. Очевидно, что о политических противоречиях и конфликтах россиянам говорить открыто сложно, так как это не принято. При этом сама тема конфликтности в международных отношениях нередко оценивается как своеобразная норма. Столкновение интересов, по мнению российских граждан, естественно, и нередко разрешается в пользу более сильной стороны.

Подбирая примеры разрешимых и неразрешимых в ближайшие 20 лет конфликтов, респонденты нередко опираются на критерии продолжительности и интенсивности протекания конфликта, а также на цивилизационный и ценностный раскол в содержательных основаниях конфликтной ситуации. Так, например, чаще всего к неразрешимым конфликтам относят арабо-израильский конфликт (см. табл. 1). В разрешимые конфликты чаще включена именно Россия, что, вероятно, объясняется нежеланием строить пессимистичные прогнозы и актуализацией установки на разрешение противоречий, несущих (пусть зачастую и косвенно) угрозу для самого воспринимающего. Репрезентации геополитического статуса России в символическом пространстве массового сознания нередко формируются согласно принципу борьбы

Добра со Злом, противостояния «мы – они». Особенно заметны здесь влияющие идентификационного фактора восприятия, действие психологических механизмов стереотипизации, категоризации и, что особенно интересно, мифологизации. Помимо ожидаемых символических образов *друга* и *врага* в восприятии международных отношений россиянами актуализируются образы амбивалентного *другого* (Бразилия, Индия), подозрительного и слишком непохожего на нас *чужого* (Китай). Проявляются интересные образы *союзника врага* (Израиль), *перебежчика/предателя* (Турция, Украина).

Использование интрепретативных и ассоциативных методов исследования позволяет выявить и классифицировать символические репрезентации важнейших для россиян векторов международных отношений. Международные отношения в данном случае рассматриваются как динамичные и неравнозначные по эмоциональному знаку, силе, интенсивности, содержанию посылу взаимосвязи стран и других субъектов международных отношений.

Следует отметить, что принципы международных отношений опираются на многообразные по характеру взаимосвязи. Прежде всего речь здесь идет об отношениях конфликта, соперничества, дистанцирования, влияния, коалиции, партнерства, иерархии, сотрудничества. Однако особенности взаимодействия во многом зависят от конкретного обсуждаемого субъекта международных отношений, его символического потенциала, функциональной ценности для мировой политики и России. Так, например, образ США чаще всего связывается с соперничеством, влиянием и сопротивлением; Россия на картах и в ответах интервью чаще включена в отношения партнерства, влияния и сотрудничества. Негосударственные субъекты международных отношений (такие как тайные общества, этнические группы, террористические организации, бизнес-структуры) нередко упоминаются со ссылками на коалицию и влияние.

Трансформации международных отношений в восприятии политической карты мира. В оценках и желаемого, и ожидаемого международного будущего политическая карта мира нередко иллюстрирует варианты централизованного или же блокового миропорядка. Россия в данных случаях обычно претендует на роль одного из мировых лидеров и склонна к ценностному экспансионизму (мирного характера). В блоковом формате восприятия международных отношений символические репрезентации о карте мира чаще обычного *ретроориентированны*. На контурных картах возрождаются СССР (13%, преимущественно молодежь), Чехословакия, Югославия, Российская империя (рис. 5). Это, вероятно, можно объяснить фрагментарностью символического пространства образа будущего. Не имея четких представлений о вероятном и потребном международном будущем, респонденты стремятся воспроизводить государства, международные коалиции, блоки согласно старым, уже известным им образцам. В тотальное политическое поле России респонденты включают, прежде всего, территории бывшего СССР. Ретроориентации на данное государство звучали лишь у 12% респондентов, однако воспроизвели его точные границы на карте желаемого будущего 25% респондентов.

Рис. 5. Образ карты мира. Комментарий: двухполярный мир: Социалисты (Москва) – либеральный (Лондон). США – содружество независимых штатов Америки (после распада)

Пространственно-географические и исторические символы значительно актуализированы именно в оценках предполагаемых, желаемых или не желаемых изменений политической карты мира. В первую очередь здесь проявляют себя символы расширения и отделения. При обсуждении возможных изменений государственных границ внимание респондентов обычно уделяется проблематике геополитических, геоэкономических и культурных конфликтных взаимодействий. В качестве территории, которую стремятся присоединить к России, чаще всего выступает Аляска.

Тема территориальных приращений в картах желаемого будущего чрезвычайно интересна и требует более детального изучения, так как свойственна она респондентам молодого возраста, которые, вероятно, хотя и испытывают гордость за свою страну и связывают ее, в первую очередь, с расширением территории собственного государства и сфер его влияния. Данная тенденция неосознаваемого уровня восприятия мира резко контрастирует с рационалистическими упоминаниями этой же молодежью неспособности России поддерживать себя «в достойном для европейской державы» состоянии.

Территориальные потери обычно трактуются в качестве неблагоприятного сценария развития международных отношений. Прежде всего угроза потери территории связывается с образами Дальнего Востока и Восточной Сибири. Достаточно тревожно оценивается намеренное сокращение территорий частью молодых респондентов при их описаниях необходимых изменений политической карты мира. От части опрошенных молодых респондентов (8%) звучали утверждения о необходимости возвращения Крыма в состав Украины, о выгодах от совместного хозяйствования на территории Курильских островов. Молодые респонденты чаще остальных упоминали о том, что именно большие масштабы мешают России занять место среди мировых лидеров.

Восприятие желаемой политической карты мира оказалось зависимым от концепции «психология окруженности». На картах респонденты

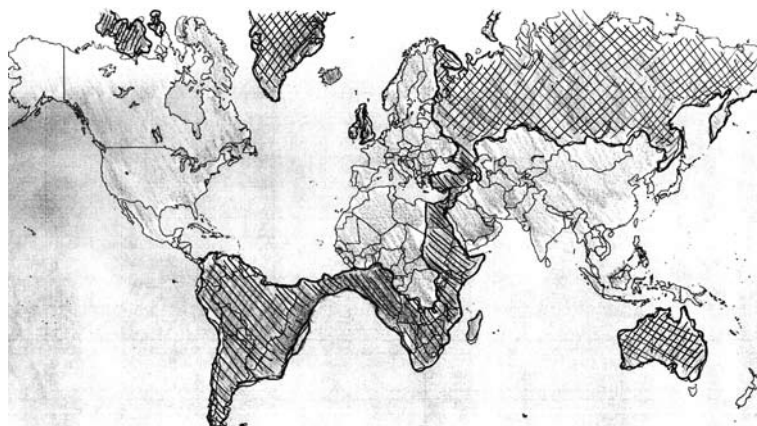

Рис. 6. Образ карты мира. Комментарий: *Россия должна занимать большую территорию и окружать США для сдерживания их силы*

стремились создать буферную зону безопасности или же использовать ее для нападения (рис. 6). Данная тенденция восприятия обусловлена как историческим и геополитическим факторами, так и чувством неуверенности в завтрашнем дне, тревогой на уровне индивидуального и массового сознания.

Результаты позволяют говорить о некоторой неконгруэнтности образа международных отношений в российском массовом сознании. Если на рациональном уровне восприятия образы международных отношений обычно отличаются ориентацией на прагматизм и властьцентричны (в международном противостоянии побеждает в них, как правило, сторона с наибольшим ресурсным потенциалом и учитывается баланс сил), то на уровне неосознаваемого восприятия четче проявляются нравственноориентированные оценки. Справедливость не торжествует в прогнозах относительно изменений карты мира в ответах интервью, но в рисунках и картах с предположениями о будущих трансформациях миропорядка заметно проявляется ориентация на утверждение справедливости, «победу не сильного, а правого». В описаниях желаемого будущего отвернувшаяся от нас Украина, Казахстан, обратившийся в сторону Китая и Средней Азии, возвращаются «под крыло большого брата – России», объединившиеся страны Африки преодолевают проблемы бедности и нехватки ресурсов и становятся значимым мировым актором международных отношений в XXI в. США теряют свои позиции и уступают место выразителя ценностей Западу странам континентальной Европы или Великобритании согласно принципу исторической справедливости. Нередко и Аляска возвращается России по тому же принципу.

Наблюдаемые тенденции дали основания рассмотреть не только прогнозы относительно изменения международных отношений, но и историю этих отношений в представлениях россиян. Подбирая примеры – аналогии из истории мировой политики и международных отношений – к перечню предложенных пословиц и поговорок, респонденты особенно ярко продемонстрировали нравственноцентричность восприятия мировой политики на неосознаваемом уровне.

Рис.7. Образ карты мира. Тревожный тип политического восприятия

При анализе полученных результатов предложенные поговорки и пословицы были условно разделены на несколько тем, определивших фокус в восприятии международных отношений прошлого и современности. Были выделены: тема верности и предательства; тема защиты, поддержания мира и безопасности; тема идентификации (отношения *мы и они*, *свой и чужой*); тема ресурсного потенциала, силы и влияния.

Поговорки ярко продемонстрировали патриотичность настроений в оценке российской истории. Акцент в исторических примерах смещается на тему поддержки, защиты Россией других стран (Югославии, иных государств славянских народов, постсоветских стран). Примеры, связанные с современной мировой политикой, актуализировали тему доверия, неоправданных ожиданий и надежд. Ценность справедливости особенно подчеркивается. Одной из выявленных ранее тенденций политического восприятия карты мира выступает **тревожность**. Анализ карт желаемого будущего позволяет более детально рассмотреть представления россиян и о неблагоприятных сценариях развития международных событий, карты мира в целом. Негативные символические образы будущего связываются с глобальными экологическими проблемами и темами международного терроризма; предполагаются возможные угрозы природе и современному миропорядку. В оценках современных международных отношений упоминаются угрозы демократическим ценностям, опасность попасть под манипулятивное влияние. В качестве иллюстрации такого рода тенденций восприятия может быть приведен рис. 7, в котором респондент изобразил на карте угрозы в виде девочек: одной, с завязанным ртом, – на территории России и другой, с завязанными глазами, – на территории США, а также умирающую в океане рыбу как символ плачевной экологической ситуации. Нередко к мировым угрозам относят наркоторговлю, в связи с которой обычно упоминаются страны Латинской Америки, США), и нищету (страны Арабского мира и Африка). Среди символики страхов в отношении России встречаются негативные сюжеты угрозы свободе (колючая проволока, тюрьма, наручники), экономической стагнации, растраты ценных ресурсов (лес, нефть) и даже территориальных потерь. Индия и Китай угрожают

респондентам своим перенаселением («мамонт, который всех раздавит»). Интересно, что символические образы Европы также не идеализируются, на неосознаваемом уровне восприятия наблюдается отчетливое тревожное отношение к феномену «европейской свободы и толерантности»; на картах респонденты подписывали, что там имеют место «*плохие тенденции и процессы*».

Интересно, что в этом конфликтном, угрожающем мире респонденты обозначили зону покоя и безопасности. Располагается она не только на Мадагаскаре (самый популярный «*кусочек моря*», который хочется присоединить к России респондентам), но и в самом центре страны, на Урале или за ним. Эту зону безопасности указывали притом, что именно она отличается в пространственном образе страны особенной символической пустотой. Москвичи не всегда знают, что находится «там, за Уралом», но верят, что в этих местах можно переждать тяжелые времена. Один из респондентов так прокомментировал рисунок: «*Если что случится, уйдем в тайгу, там до сих пор Интернет не везде ловит*». Однозначно оценить данный пример пассивной установки с ориентацией в эскапизм сложно. Однако именно эта особенность ярко иллюстрирует тенденцию усиления тревожности, психологического напряжения на уровне состояния российского массового сознания, способного перейти в форму усиления пассивно-неудовлетворенных настроений.

Заключение. Анализ основных тенденций формирования символических репрезентаций международных отношений позволил выделить *четыре модели восприятия политической карты мира россиянами*. Каждая модель имеет характерный символический набор, вероятно, по-разному формирующийся в условиях влияния факторов субъектного и объектного характера.

Модель тревожного типа восприятия. Воспринимающий демонстрирует как осознанную, так и неосознанную тревожность в восприятии политической реальности. Он концентрирует внимание на угрозах и рисках, связанных с международными отношениями и взаимодействиями, склонен к пессимистичным прогнозам. Восприятие международных проблем, согласно данной модели, может происходить сквозь призму существующих внутривнутриполитических вызовов.

Модель позитивно-оптимистичного типа восприятия. Воспринимающий акцентирует внимание на надеждах и шансах в международных взаимодействиях, представляет собственные страхи и тревоги в отношении политической карты мира в виде позитивных сюжетов разрешения проблем.

Модель прагматично-рационального типа восприятия. Воспринимающий склонен трактовать международные отношения как субъект-субъектные или же субъект-объектные взаимодействия, акцентирует внимание на проблемах блоков, влияний, конфликтов. Для него в большей степени характерно стремление рационализировать феномен международных отношений, представить их во властьюцентричном формате, при этом на неосознаваемом уровне может преобладать нравственноцентричное восприятие. образу политической карты мира преимущественно свойственна неконгруэнтность.

Модель фрагментарно-неопределенного типа восприятия. Воспринимающий характеризует изображение политической карты как набор не связанных друг с другом неполитических символов отдельных стран,

территорий, международных событий (часто это символы-стереотипы природы, животного мира, известнейших достопримечательностей и брендов). Образ России может быть представлен в виде навязанных «зарубежных» символов-клише (*медведь, водка, балалайка*), с комментариями – надписями на иностранном языке. Предположительно наибольшая зависимость восприятия от информационной подвески, вероятны проблемы национально-государственной идентичности.

Анализ обозначившихся в ходе исследования тенденций выявил существование целого комплекса *факторов*, влияющих на формирование символических репрезентаций политической карты мира. Определение трансформационного потенциала данных факторов (степени воздействия на формирование символического пространства образов и динамику международных отношений в представлениях россиян) позволяет учесть перспективы и тенденции внешнеполитического восприятия.

Факторы можно условно разделить на факторы субъектного и объектного характера. К *субъектным факторам* (то есть факторам, связанным с воспринимающей стороной) можно отнести социально-демографический и идентификационный факторы; психологические особенности воспринимающих и общее психологическое состояние массового сознания; культурный фактор и характер каналов получения информации о странах и международных отношениях (включая пространственный опыт).

К группе *объектных факторов* принадлежат характеристики, связанные с воспринимаемым, а также контекст, в котором происходит процесс политического восприятия. Прежде всего здесь следует определить геополитический, геоэкономический и исторические факторы, информационную повестку (включающую как саму повестку, так и образы стран и международных событий, транслируемые СМИ).

Оценивая воздействие факторов обеих групп, необходимо отметить комплексный характер их влияния. Не представляется возможным утверждать, что именно влияние того или иного фактора в большей (меньшей) мере определяет символический набор восприятия стран, международных отношений или всей карты мира в целом. Однако можно предположить, что некоторые выявляемые тенденции восприятия детерминированы вполне определенными факторами.

В целом символическое восприятие международных отношений России центрично, фрагментарно и отличается ситуативным характером, что, вероятно, в значительной мере и определяет зависимость процесса формирования политической карты мира от специфики коммуникации.

Образы международных отношений и всей политической карты мира зачастую являются неконгруэнтными. На рациональном уровне образ может иметь властьцентричный характер, а на неосознаваемом уровне – нравственноцентричный. Нравственные ориентиры в большей степени заметны при рассмотрении страхов, ожиданий, не вполне осознаваемых оценок политической карты мира настоящего и будущего. При этом рационализация образов происходила, прежде всего, с установкой на прагматизм в международных отношениях.

Формирование символического пространства политической карты мира в политическом сознании заметно зависит от ретроориентаций и мифологем. В восприятии россиян присутствует тенденция сопостранственности, то есть сегментирования пространства на ментально-функциональные пласты. Помимо этого восприятие своей территории склонно к гетеротопии – существованию в рамках одного абсолютного пространства относительных пространств. В условиях существования у воспринимающего проблем с национально-государственной идентичностью образ карты мира, имеющей столь многослойный характер, становится особенно фрагментированным и противоречивым.

Восприятие международных отношений зависит и от мотивационно-потребностной сферы воспринимающего. Включенность россиянина в глобальные международные процессы (зарубежные стажировки, туризм, работа в сфере международной торговли, международного обмена опытом, участие в международных социальных проектах) повышает его интерес к теме политической карты мира, международной тематике.

Представления и о возможных, и о желаемых международных тенденциях в российском массовом сознании можно назвать «плывущими», что, вероятно, объясняется недостаточной наполненностью символического пространства политической карты мира. Неясность представлений россиян о месте России в мире, ее возможных стратегиях поведения в международной политике делает восприятие политической карты мира гиперчувствительным и зависимым, прежде всего, от стереотипов, клише и информационной повестки СМИ.

Анализ полученных результатов исследования дает основания рассматривать символические репрезентации международных отношений как составную часть политической карты мира. Предложенные четыре обобщенные модели политического восприятия карты мира позволяют впоследствии предпринять попытку изучения процесса формирования символических образов с учетом возможностей корректировки отдельных факторов репрезентаций карты мира в сознании россиян. Данный шаг представляется важным, так как это обязательное условие прогнозов о возможных рисках и угрозах, связанных с формированием неблагоприятных символических очертаний политической карты мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва : Медиум. 323 с.

Бук Дж. 2000. Тест «Дом, Дерево, Человек» // Проективная психология. Москва : Эксмо-Пресс. С. 248-353.

Бурдые П. 2007. Социология социального пространства. Москва : Ин-т эксперимент. социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя. 288 с.

Вилков А.А. 2010. Ментальное восприятие региональной власти // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». Т. 10, вып. 4. С. 23-35.

Горшков М.К., Петухов В.В. 2016. Внешнеполитические ориентации россиян в контексте вызовов современной глобальной политики // Политическая наука

перед вызовами глобального и регионального развития / под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной. Москва : Аспект Пресс. С. 606-634.

Евгеньева Т.В., Селезнёва А.В. 2017. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // Полития. № 4. С. 48-64.

Замятин Д.Н. 2010. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. Т. 9, № 3. С. 26-50.

Замятина Н.Ю. 2011. Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // Культурная география. № 4. С. 60-67.

Колосов В.А. 1996. Российская геополитика: традиционные концепции и современные вызовы // Общественные науки и современность. № 3. С. 86-94. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/705/283/1217/010_Kolosov_ROSSIJSKAYa_TsIVILIZATsiYa.pdf (дата обращения: 12.09.2019).

Колосов В.А., Зотова М.В. 2012. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа // Полис. Политические исследования. № 5. С. 170-187.

Конфисахор А.Г., Медведева В.В. 2011. Психологический анализ геополитических процессов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Вып. 1. С. 36-42.

Мельвиль А.Ю. 2006. «Политический атлас современности»: замысел и общие теоретико-методологические контуры проекта // Полис. Политические исследования. № 5. С. 6-14.

Мирошниченко И.В. 2018. Пространственный образ Европы в представлениях российской молодежи // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». № 2. С. 31-44.

Петухов В.В. 2010. Внешнеполитические приоритеты массового сознания россиян // Социологические исследования. № 11. С. 4-13.

Пузанова Ж.В., Филиппов В.М., Ларина Т.И. 2017. Белорусы, русские и украинцы – взаимное восприятие в межкультурной среде (по результатам эмпирических исследований) // Вестник славянских культур. Т. 43. С. 24-37.

Референдум о судьбе СССР: 10 лет спустя : опрос населения, 14 марта 2001 г. URL: <https://bd.fom.ru/report/cat/ref/dd010927> (дата обращения: 12.09.2019).

Семененко И.С. 2008. Образ и имидж в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. № 5. С. 7-18.

Смирнова А.Г. 2007. Восприятие угрозы в международных отношениях: в поисках теоретических оснований // Политическая экспертиза. Т. 3, № 4. С. 193-208.

Смирнягин Л.В. 2016. Эволюция места в ходе «производства пространства» // Символическая политика: сб. науч. тр. / гл. ред. О.Ю. Малинова. Москва. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. С. 84-105.

Чернышов Ю.Г. 2015. Пограничное пространство как барьер между утопическими и реальными образами стран и регионов // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 33. С. 76-81.

Шестопап Е.Б., Смулькина Н.В., Морозикова И.В. 2019. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. Т. 10, № 3. С. 74-94.

Alcock N.Z., Newcombe A.G. 1970. The Perception of National Power // The Journal of Conflict Resolution. Vol. 14, № 3. P. 335-343.

Buzan B. 1991. People, States and Fear: an Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Bolder : Lynne Rienner Publishers, Inc. 393 p.

Caplan B. 2001. Rational Ignorance versus Rational Irrationality // *Kyklos*. Vol. 5, № 1. P. 3-26.

Hall S. 1997. The work of representation // *Representation: Cultural representation and signifying practices* / ed. by Stuart Hall. London : Sage publ. The Open Univ. 257 p.

Herrmann R.K. 2003. Image Theory and Strategic Interaction in International Relations // *Oxford Handbook of Political Psychology* / ed. by D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford : Oxford Univ. Pres. P. 285-314.

Natalia V. Smulkina, Candidate of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: smulkina@mail.ru

SPIN-код: 9132-1263

ResearcherID: Q-9718-2017

Scopus ID: 57191094528

ORCID: 0000-0002-6691-5372

IRID: 7645322

Article received 22.11.2019, accepted 09.12.2019, available online 06.04.2020

SYMBOLIC IMAGES OF INTERNATIONAL RELATIONS IN CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN CITIZENS: POLITICAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The article presents results of the empirical study of symbolic aspects of perception of international relations by Russian mass consciousness. Attention is paid to the consideration of symbolic images of international relations as an integral part of symbolic map of the world. The results of qualitative study allow us to consider the ideas of Russians about the subjects, structure, principles of international relations, as well as about the likely, desirable and undesirable trends in the transformation of international relations. The study of symbolic representations of international relations is based on political and psychological approach. The study of images takes into account both rationalized assessments and unconscious aspects of the perception of the political map of the world. For this purpose, the author used projective techniques as part of the polls. The article identifies factors of symbolic representations of international relations in mass political consciousness. The results of study makes it possible to assert that the symbolic perception of international relations is Russian-centered, fragmented and situational in nature, which is to a large extent determines the dependence of the process of forming political map of the world on the specifics of communication. As a result of the study, several models of the political perception of world maps are identified: a model of an alarming type, a positive-optimistic type, a pragmatic-rational type, and a fragmented-indefinite type. The revealed tendencies in the perception of political map of the world include some incongruence of symbolic images of the world map in case of pragmatic type of perception; anxiety at the level of mass political consciousness; blurry images of «friends» and «strangers» in international relations. The ambiguity of Russians' ideas about the place of Russia in the world and its possible strategies for behavior in international politics makes the perception of political map of the world hypersensitive and dependent, first of all, on stereotypes, clichés and media's information agenda.

Keywords: political and psychological approach; symbolic space; political perception;

political map of the world; country image; image of international relations; symbolic representations; factors of political perception.

The study was funded by RFBR and EISR according to the research project no. 19-011-32128 “The political-psychological approach of the political map of the world in the minds of Russian citizens: symbolic representations”.

For citation: Smul'kina N.V. *Simvolicheskie obrazy mezhdunarodnykh otnosheniy v soznanii rossiyskikh grazhdan: politiko-psikhologicheskii analiz* [Symbolic images of international relations in consciousness of Russian citizens: political-psychological analysis], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 89-116. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10104. (in Russ.).

References

Alcock N.Z., Newcombe A.G. The Perception of National Power, *The Journal of Conflict Resolution*, 1970, vol. 14, no. 3, pp. 335-343.

Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge], Moscow, Medium, 1995, 323 p. (in Russ.).

Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space], Moscow, Institut eksperiment. sotsiologii, St. Petersburg, Aletyeya, 2007, 288 p. (in Russ.).

Buk J. *Test «Dom, Derevo, Chelovek»* [Test “House, Tree, Man”], *Proektivnaya psikhologiya*, Moscow, Eksmo-Press, 2000, pp. 248-353. (in Russ.).

Buzan B. *People, States and Fear: an Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, Bolder, Lynne Rienner Publishers, Inc., 1991, 393 p.

Caplan B. Rational Ignorance versus Rational Irrationality, *Kyklos*, 2001, vol. 5, no. 1, pp. 3-26.

Chernyshov Yu.G. *Pogranichnoe prostranstvo kak bar'er mezhdutopicheskim i real'nymi obrazami stran i regionov* [Border space as a barrier between utopian and real images of countries and regions], *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*, 2015, no. 33, pp. 76-81. (in Russ.).

Evgenieva T.V., Selezneva A.V. *Transformatsiya natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti rossiyskoy molodezhi v postsovetskiy period: tsennostnye osnovaniya i simvolicheskie reprezentatsii* [Transformation of the national-state identity of Russian youth in the post-Soviet period: value bases and symbolic representations], *Politiya*, 2017, no. 4, pp. 48-64. (in Russ.).

Gorshkov M.K., Petukhov V.V. *Vneshnepoliticheskie orientatsii rossiyan v kontekste vyzovov sovremennoy global'noy politiki* [Foreign policy orientations of Russians in the context of the challenges of modern global politics], O.V. Gaman-Golutvina (ed.) *Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya*, Moscow, Aspekt Press, 2016, pp. 606-634. (in Russ.).

Hall S. The work of representation, S. Hall. (ed.) *Representation: Cultural representation and signifying practices*, London, Sage publ. The Open Univ., 257 p.

Herrmann R.K. Image Theory and Strategic Interaction in International Relations, D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis (eds.) *Oxford Handbook of Political Psychology*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2003, pp. 285-314.

Kolosov V.A. *Rossiyskaya geopolitika: traditsionnye kontseptsii i sovremennye vyzovy* [Russian geopolitics: traditional concepts and modern challenges], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 1996, no. 3, pp. 86-94, available at: <http://ecsocman.hse.ru/>

data/705/283/1217/010_Kolosov_ROSSIJSKAYa_TsIVILIZATsIYa.pdf (accessed September 12, 2019). (in Russ.).

Kolosov V.A., Zotova M.V. *Geopoliticheskoe videnie mira rossiyskimi grazhdanami: pochemu Rossiya ne Evropa* [Geopolitical vision of the world by Russian citizens: why Russia is not Europe], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2012, no. 5, pp. 170-187. (in Russ.).

Konfisakhor A.G., Medvedeva V.V. *Psikhologicheskii analiz geopoliticheskikh protsessov* [Psychological analysis of geopolitical processes], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12*, 2011, iss. 1, pp. 36-42. (in Russ.).

Melville A.Yu. «*Politicheskiy atlas sovremennosti*»: *zamysel i obshchie teoretiko-metodologicheskie kontury proekta* [“Political Atlas of the Present”: the concept and general theoretical and methodological contours of the project], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2006, no. 5, pp. 6-14. (in Russ.).

Miroshnichenko I.V. *Prostranstvennyy obraz Evropy v predstavleniyakh rossiyskoy molodezhi* [Spatial image of Europe in the ideas of Russian youth], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Politologiya»*, 2018, no. 2, pp. 31-44. (in Russ.).

Petukhov V.V. *Vneshnepoliticheskie priority massovogo soznaniya rossiyan* [Foreign policy priorities of the mass consciousness of Russians], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, no. 11, pp. 4-13. (in Russ.).

Puzanova Zh.V., Filippov V.M., Larina T.I. *Belorusy, russkie i ukraintsy – vzaimnoe vospriyatie v mezhkul'turnoy srede (po rezul'tatam empiricheskikh issledovaniy)* [Belarusians, Russians and Ukrainians – mutual perception in an intercultural environment (based on empirical research)], *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2017, vol. 43, pp. 24-37. (in Russ.).

Referendum o sud'be SSSR: 10 let spustya : opros naseleniya, 14 marta 2001 g. [Referendum on the fate of the USSR: 10 years later: Survey of the population, March 14, 2001], available at: <https://bd.fom.ru/report/cat/ref/dd010927> (accessed September 12, 2019). (in Russ.).

Semenenko I.S. *Obraz i imidzh v diskurse natsional'noy identichnosti* [Image and image in the discourse of national identity], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2008, no. 5, pp. 7-18. (in Russ.).

Shestopal E.B., Smulkina N.V., Morozikova I.V. *Sravnitel'nyy analiz obrazov svoey strany u zhitel'ey rossiyskikh regionov* [Comparative analysis of the images of his country among residents of Russian regions], *Sravnitel'naya politika*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 74-94. (in Russ.).

Smirnova A.G. *Vospriyatie ugrozy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: v poiskakh teoreticheskikh osnovaniy* [Perception of the threat in international relations: in search of theoretical foundations], *Politicheskaya ekspertiza*, 2007, vol. 3, no. 4, pp. 193-208. (in Russ.).

Smirnyagin L.V. *Evolutsiya mesta v khode «proizvodstva prostranstva»* [The evolution of space during the “production of space”], *O.Yu. Malinova (gen. ed.) Simvolicheskaya politika: sb. nauch. tr.*, Moscow, 2016, iss. 4, pp. 84-105. (in Russ.).

Vilkov A.A. *Mental'noe vospriyatie regional'noy vlasti* [The mental perception of regional authority], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya “Sotsiologiya. Politologiya”*, 2010, vol 10, iss. 4, pp. 23-35. (in Russ.).

Zamyatin D.N. *Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeystvie sovremennykh gumanitarnykh nauk* [Humanitarian geography: space, imagination and the interaction of modern humanities], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2010, vol. 9, no. 3, pp. 26-50. (in Russ.).

Zamyatina N.Yu. *Smysl polozheniya: mesto v mental'no-geograficheskikh prostranstvakh* [The meaning of the situation: a place in the mental-geographical spaces], *Kul'turnaya geografiya*, 2011, no. 4, pp. 60-67. (in Russ.).